

«да, свой же, оканчиваю, свой, русский», — крикнул ему. И, как крикнул, что русский, он селась же винтовку к ногам. Я подождал к нему, он потрепал меня по плечу, да стоя поддаком и отправил в окоп. Вот я теперь и здесь, — сидеть быльце!»

Въ Кельнѣ въ день объявленія войны Румыніей.

Редакція газеты «Майн» отправила недавно одного из своих сотрудников в Германию.

Корреспондент «Майн» избрал для исходной точки своего путешествия Голландию и через голландскую границу прошел въ Бельгію. Здѣсь ему, очевидно, не повезло, так как он сразу возбудилъ себѣ подозрѣніе, былъ арестованъ, по томъ выпущенъ и, въ концѣ концовъ, былъ принужденъ покинуть Брюссель, не пробывъ въ немъ и 48 часовъ.

Изъ Брюсселя отважный корреспондент прохаживалъ въ Германию.

Анонимный сотрудникъ «Майн» прибылъ въ Кельнъ, и приѣздъ его совпалъ какъ разъ съ днемъ объявленія Румынскій войны центральными державами.

Выѣхалъ съ вокзала, — пишетъ авторъ, — и бѣль удивился необычайнымъ оживленіемъ и шумомъ, парившимъ во всѣхъ тишинахъ и покойномъ Кельнѣ. И спросилъ пасильника, въ чёмъ дело?

— Какъ, развѣ вы не знаете? Всѣ проѣхать наѣтъ. Бѣроѣ выѣхали наѣтъ въ Кельнѣ. Сегоднѣ — румыны. Жизнь теперь станетъ еще дороже.

Что-нибудь, сперва надо это что-нибудь пакти.

Отъ своего знакомаго фабриканта я вернулся въ отель, прошелъ въ ресторанъ, причемъ взялъ меню и заказалъ себѣ одно блюдо, какъ поглаголастъ.

Лакъ отѣсти:

— Все распродано.

Такъ было съ пѣрамъ рядомъ было, пока наконецъ я не получилъ кусокъ картофеля, но съ картопкой, ломтикомъ гордѣлскаго сирма и ломтикомъ хлѣба ББ. Это удовольствіе я заплатилъ въ 6. 50 пф.

Такъ какъ мой поваръ отходилъ только въ четвергъ, остатокъ дни я провелъ, гуляя по набережной Рейна.

Рейнъ тоже мобилизовалъ. Въверхъ и внизъ по теченью движутся длинныя караульныя баржи, нагруженныя снарядами, углемъ, линками и т. д. На набережныхъ работаютъ тѣмнѣя рабочихъ, главнымъ образомъ, пѣрамъ. Среди нихъ немногій французы и очень много русскихъ, погружавшихъ и вытѣживающихъ баржи. Грузъ — исключительно военный. То же самое происходитъ на вокзалахъ, биткомъ набитыхъ въсѣхъ видовъ войсковыхъ распределительныхъ пунктовъ для западно-германскаго фронта. На центральной товарной станціи трѣмъ еще было външнѣе. Тамъ труда пѣрамъ такъ же привыкаетъ въ громадномъ размѣрѣ. Что поражаетъ — образованный порядокъ: ни пушка, ни крикъ, все работаетъ какъ хорошо смазанный часовой механизмъ».

Бой аэроплана съ цеппелиномъ.

Въ «Worlds War» за октябрь помѣщена интересная статья о деятельности англійского воздушного флота и налетахъ пешеринъ на Лондонъ. «Ной Бр.» замѣстуетъ изъ нихъ описание боя англійскаго аэроплана съ цеппелиномъ у голландской границы. Описывается это воздушное сраженіе самъ мѣсяцемъ позже, какъ же привыкаетъ въ громадномъ размѣрѣ. Что поражаетъ — образованный порядокъ: ни пушка, ни крикъ, все работаетъ какъ хорошо смазанный часовой механизмъ».

Цѣлью моего полета было пролетѣть надъ германскими позиціями, высѣчь барбетъ и обрушить въ тылу нѣсколькоъ людей, шестнадцати — восемнадцати летъ, среди которыхъ рѣкоѣ выѣхали пѣрамъ и юноши и бѣлья мужчины. Всего было изъ этой толпы членовъ 500—600. Часть изъ нихъ во всѣхъ гостяхъ пѣрамъ, или скѣрѣ, выѣхали изъ «Deutschland, Deutschland aber Alles», другая подъ какой-то неизвестномъ мотивомъ, пѣрамъ знаменитыя слова Блюхера: «Woist der Feind Den Finger drauf den schlagen wir!» («Гдѣ врагъ? Уажите насъ на него пальцемъ, и мы его побьемъ»). Третья гораздѣла, спараса перекричать «остальныхъ», новое очредное «шѣфство» — «Gott strafe Katalanien!» («Богъ, покарай Румынію»).

И присоединивъ къ толѣ и дошелъ съ нею до Breitestrasse, гдеоже пожицается редакція «Kölner Zeitung». Вокругъ витринъ, гдеѣ была выставлена телеграмма съ известіемъ объ объявленіи Румынскій войны и о созывѣ союзного совѣта, толпилась масса народа. Всматрившись, и вымысь изъ усыпаныхъ вокругъ себя разговоровъ, было такое, какъ будто вся публика состояла изъ стариковъ, когда-то перекинувшихъ 1870-й годъ, будто воодушевлена необыкновеннымъ патріотическимъ пыломъ. Для нихъ новый противникъ былъ чѣмъ, — и ему, какъ и остальнымъ пѣрамъ, по ихъ словамъ, не удастся слышать военную мощь Германиі. Другъ, болѣемногочлененая часть, смотрѣла на вещи иначе, и то и дѣло привыкли къ своимъ аргументамъ: слова: «Nahrungsmittel» и «Gesetz» («съѣстственные продукты» и «законъ»). Для этихъ послѣднихъ войны въ Румыніи означала лишь уменьшеніе и безъ того скучнаго ежедневнаго пайса...

Я пошелъ дальше, попалъ въ известное кафе «Барберъ» и Нойес-Грассе и зака-
зала себѣ кружку темнаго пива. Жѣнкѣ, которую подали, не имѣла определен-
ного цвета и сильно отличалась мыльной вѣдѣй.

И тогда покрасилъ себѣ чашку кофе. Мой же приносилъ... но безъ сахара. Когда же я спросилъ лѣкаря, нельзя ли получить сахаръ, онъ принесъ мѣлъ изъ мѣдной квадратной пакетки. И его распачалъ: вѣдѣй былъ сахариный. Желтоватое кафе съ зернами отблесковъ оказалось чистѣйшимъ желудочнымъ соусомъ.

На слѣдующее утро я рѣшилъ пойти въ известный старый директоръ лите-
ратурного завода въ Эренфельде, въ окрестности Кельна. Покъѣхалъ я туда на трамвай. Улицы были пустыни, лишь изрѣ-
зка встрѣчались женщины въ дѣти, состав-
лявшіи также длинные хвосты у магазиновъ. Экипажъ совсѣмъ погибъ. Но имѣла определен-
ное значение и съѣстственные продукты и гостиницы.

И вотъ она тянетъ больше двухъ лѣтъ. Чѣмъ говорили, что мы уничтожимъ французы въ три недѣли, вскорѣ Парижъ, разбомбивъ Россію въ два мѣсяца, инициаторомъ города-свѣтла увидалъ пѣрамъ, которые о немъ говорили: «Gouvernement Russie Solidat» (исключительный русскаго солдата), спасибо, мы не будемъ, но, изброрѣтъ, сѣять русскіе и французы ваноносили ударъ за ударомъ. Пѣрамъ привыкли къ террору и доѣрѣ. Но какъ таинѣ дѣвицы въ террорѣ, когда уже Европа обѣялась паймъ.

Мой знакомый рассказалъ мнѣ, что онъ уже потерялъ обоихъ сыновей: старшаго погибъ на русскомъ фронѣ; младшаго — 17 лѣтъ, погибъ пюю въ животъ на по-
лѣахъ Шампани.

Эта вѣра, правда, принесла мнѣ зи-
мний сѣянѣ — аругаѣ тыльы марокъ, но она никогда не вернѣтъ мой мѣдальонъ.

И вотъ она тянетъ больше двухъ лѣтъ. Чѣмъ говорили, что мы уничтожимъ французы въ три недѣли, вскорѣ Парижъ, разбомбивъ Россію въ два мѣсяца, и въ Рождество 1914 г., привыкли усъ-
вѣдѣть, которое оно производитъ на всѣхъ мира.

Не только мы ничего этого не сдѣлали, но, изброрѣтъ, сѣять русскіе и французы ваноносили ударъ за удара-
ромъ. Пѣрамъ привыкли къ террору и доѣрѣ.

Но какъ таинѣ дѣвицы въ террорѣ, когда уже Европа обѣялась паймъ.

Мой знакомый рассказалъ мнѣ, что онъ уже потерялъ обоихъ сыновей: старшаго погибъ на русскомъ фронѣ; младшаго — 17 лѣтъ, погибъ пюю въ животъ на по-
лѣахъ Шампани.

Эта вѣра, правда, принесла мнѣ зи-
мний сѣянѣ — аругаѣ тыльы марокъ, но она никогда не вернѣтъ мой мѣдальонъ.

И вотъ она тянетъ больше двухъ лѣтъ. Чѣмъ говорили, что мы уничтожимъ французы въ три недѣли, вскорѣ Парижъ, разбомбивъ Россію въ два мѣсяца, и въ Рождество 1914 г., привыкли усъ-
вѣдѣть, которое оно производитъ на всѣхъ мира.

Не только мы ничего этого не сдѣлали, но, изброрѣтъ, сѣять русскіе и французы ваноносили ударъ за удара-
ромъ. Пѣрамъ привыкли къ террору и доѣрѣ.

Но какъ таинѣ дѣвицы въ террорѣ,

когда уже Европа обѣялась паймъ.

Мой знакомый рассказалъ мнѣ, что онъ уже потерялъ обоихъ сыновей: старшаго погибъ на русскомъ фронѣ; младшаго — 17 лѣтъ, погибъ пюю въ животъ на по-
лѣахъ Шампани.

Эта вѣра, правда, принесла мнѣ зи-
мний сѣянѣ — аругаѣ тыльы марокъ, но она никогда не вернѣтъ мой мѣдальонъ.

И вотъ она тянетъ больше двухъ лѣтъ. Чѣмъ говорили, что мы уничтожимъ французы въ три недѣли, вскорѣ Парижъ, разбомбивъ Россію въ два мѣсяца, и въ Рождество 1914 г., привыкли усъ-
вѣдѣть, которое оно производитъ на всѣхъ мира.

Не только мы ничего этого не сдѣлали, но, изброрѣтъ, сѣять русскіе и французы ваноносили ударъ за удара-
ромъ. Пѣрамъ привыкли къ террору и доѣрѣ.

Но какъ таинѣ дѣвицы въ террорѣ,

когда уже Европа обѣялась паймъ.

Мой знакомый рассказалъ мнѣ, что онъ уже потерялъ обоихъ сыновей: старшаго погибъ на русскомъ фронѣ; младшаго — 17 лѣтъ, погибъ пюю въ животъ на по-
лѣахъ Шампани.

Эта вѣра, правда, принесла мнѣ зи-
мний сѣянѣ — аругаѣ тыльы марокъ, но она никогда не вернѣтъ мой мѣдальонъ.

И вотъ она тянетъ больше двухъ лѣтъ. Чѣмъ говорили, что мы уничтожимъ французы въ три недѣли, вскорѣ Парижъ, разбомбивъ Россію въ два мѣсяца, и въ Рождество 1914 г., привыкли усъ-
вѣдѣть, которое оно производитъ на всѣхъ мира.

Не только мы ничего этого не сдѣлали, но, изброрѣтъ, сѣять русскіе и французы ваноносили ударъ за удара-
ромъ. Пѣрамъ привыкли къ террору и доѣрѣ.

Но какъ таинѣ дѣвицы въ террорѣ,

когда уже Европа обѣялась паймъ.

Мой знакомый рассказалъ мнѣ, что онъ уже потерялъ обоихъ сыновей: старшаго погибъ на русскомъ фронѣ; младшаго — 17 лѣтъ, погибъ пюю въ животъ на по-
лѣахъ Шампани.

Эта вѣра, правда, принесла мнѣ зи-
мний сѣянѣ — аругаѣ тыльы марокъ, но она никогда не вернѣтъ мой мѣдальонъ.

И вотъ она тянетъ больше двухъ лѣтъ. Чѣмъ говорили, что мы уничтожимъ французы въ три недѣли, вскорѣ Парижъ, разбомбивъ Россію въ два мѣсяца, и въ Рождество 1914 г., привыкли усъ-
вѣдѣть, которое оно производитъ на всѣхъ мира.

Не только мы ничего этого не сдѣлали, но, изброрѣтъ, сѣять русскіе и французы ваноносили ударъ за удара-
ромъ. Пѣрамъ привыкли къ террору и доѣрѣ.

Но какъ таинѣ дѣвицы въ террорѣ,

когда уже Европа обѣялась паймъ.

Мой знакомый рассказалъ мнѣ, что онъ уже потерялъ обоихъ сыновей: старшаго погибъ на русскомъ фронѣ; младшаго — 17 лѣтъ, погибъ пюю въ животъ на по-
лѣахъ Шампани.

Эта вѣра, правда, принесла мнѣ зи-
мний сѣянѣ — аругаѣ тыльы марокъ, но она никогда не вернѣтъ мой мѣдальонъ.

И вотъ она тянетъ больше двухъ лѣтъ. Чѣмъ говорили, что мы уничтожимъ французы въ три недѣли, вскорѣ Парижъ, разбомбивъ Россію въ два мѣсяца, и въ Рождество 1914 г., привыкли усъ-
вѣдѣть, которое оно производитъ на всѣхъ мира.

Не только мы ничего этого не сдѣлали, но, изброрѣтъ, сѣять русскіе и французы ваноносили ударъ за удара-
ромъ. Пѣрамъ привыкли къ террору и доѣрѣ.

Но какъ таинѣ дѣвицы въ террорѣ,

когда уже Европа обѣялась паймъ.

Мой знакомый рассказалъ мнѣ, что онъ уже потерялъ обоихъ сыновей: старшаго погибъ на русскомъ фронѣ; младшаго — 17 лѣтъ, погибъ пюю въ животъ на по-
лѣахъ Шампани.

Эта вѣра, правда, принесла мнѣ зи-
мний сѣянѣ — аругаѣ тыльы марокъ, но она никогда не вернѣтъ мой мѣдальонъ.

И вотъ она тянетъ больше двухъ лѣтъ. Чѣмъ говорили, что мы уничтожимъ французы въ три недѣли, вскорѣ Парижъ, разбомбивъ Россію въ два мѣсяца, и въ Рождество 1914 г., привыкли усъ-
вѣдѣть, которое оно производитъ на всѣхъ мира.

Не только мы ничего этого не сдѣлали, но, изброрѣтъ, сѣять русскіе и французы ваноносили ударъ за удара-
ромъ. Пѣрамъ привыкли къ террору и доѣрѣ.

Но какъ таинѣ дѣвицы въ террорѣ,

когда уже Европа обѣялась паймъ.

Мой знакомый рассказалъ мнѣ, что онъ уже потерялъ обоихъ сыновей: старшаго погибъ на русскомъ фронѣ; младшаго — 17 лѣтъ, погибъ пюю въ животъ на по-
лѣахъ Шампани.

Эта вѣра, правда, принесла мнѣ зи-
мний сѣянѣ — аругаѣ тыльы марокъ, но она никогда не вернѣтъ мой мѣдальонъ.

И вотъ она тянетъ больше двухъ лѣтъ. Чѣмъ говорили, что мы уничтожимъ французы въ три недѣли, вскорѣ Парижъ, разбомбивъ Россію въ два мѣсяца, и въ Рождество 1914 г., привыкли усъ-
вѣдѣть, которое оно производитъ на всѣхъ мира.

Не только мы ничего этого не сдѣлали, но, изброрѣтъ, сѣять русскіе и французы ваноносили ударъ за удара-
ромъ. Пѣрамъ привыкли къ террору и доѣрѣ.

Но какъ таинѣ дѣвицы въ террорѣ,

